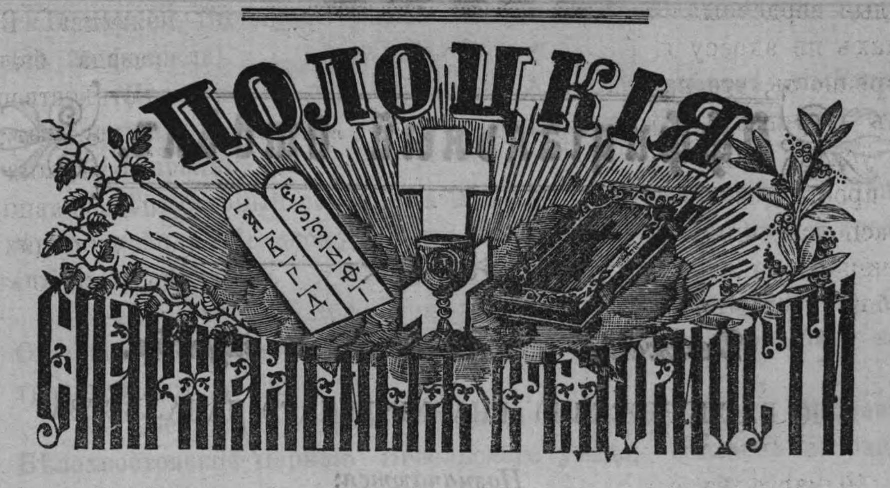
Витебскъ. Тридцать пятый г. 15 марта.

(Существуютъ съ 1874 г.).

ЦѢНА: за годъ **ПЯТЬ** руб. **50** коп., за полгода—**ТРИ** руб., съ пересылкою.
Подписка принимается у о.о. благочинныхъ епархіи и въ Редакціи «Вѣдомостей», при Витебскомъ Епархіальномъ Св. Владимірскомъ Братствѣ.

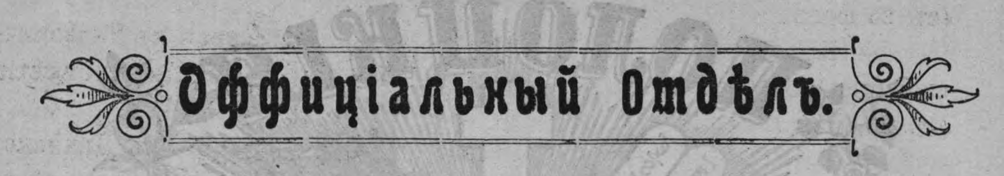
ВЫХОДЯТЪ Еженедѣльно. **1908 г.**

Редакція проситъ лицъ, присылающихъ статьи для напечатанія въ «Вѣдомостяхъ», писать ихъ разборчиво и на одной сторонѣ листа.
Статьи, принятыя къ напечатанію, въ случаѣ необходимости, подлежатъ сокращенію и измѣненію.

Содержаніе.

ПОЛОЦКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Оффиціальный Отдѣлъ.

Движенія и перемѣны по службѣ.

ПО РАСПОРЯЖЕНІЮ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА

Назначаются:

— Послушникъ Полоцкаго Архіерейскаго дома Ѳеодоръ **Мушкета** на вакансію псаломщика къ Соколищенской церкви, Полоцкаго уѣзда (съ 1 марта).

— Священникъ Витебскаго каѳедральнаго собора Андрей **Хорошкевичъ**—предсѣдателемъ ревизіонной комиссіи дляпровѣрки дѣйствій Пенсіонной кассы духовенства Полоцкой епархіи, за переходомъ прежняго предсѣдателя, священника С. Гнѣдовскаго на службу въ другое вѣдомство (съ 4 марта).

— Діаконъ Витебскаго каѳедральнаго собора Петръ **Аѳанасьевъ** —на вакансію священника къ Краснобережской церкви, Невельскаго уѣзда (съ 5 марта).

Перемѣщаются:

— И. д. псаломщика Кошанской церкви, Городокскаго уѣзда, Іоаннъ **Котырло** и псаломщикъ Чайкинской церкви, Себежскаго уѣзда, Іоаннъ **Болятковъ** одинъ на мѣсто другого, ради пользы службы (съ 6 марта).

— Іеромонахъ Яблочинскаго Свято-Онуфріевскаго монастыря Холмской епархіи въ число братіи Полоцкаго Богоявленскаго монастыря (съ 6 марта).

— Священникъ Краснобережской церкви, Невельскаго уѣзда, Іоаннъ **Гнѣдовскій** къ Кобыльницкой церкви, Витебскаго уѣзда (съ 5 марта).

Утверждаются въ должности церковнаго старосты:

— Крестьянинъ дер. Захлѣбина Иванъ **Молчановъ**—къ Шатиловской церкви, Полоцкаго уѣзда, согласно избранію, на 1-е трехлѣтіе (съ 25 февраля).

— Крестьянинъ дер. Стрѣлковъ Алексѣй **Авсюковъ**—къ Улазовичской церкви, Полоцкаго уѣзда, согласно избранію, на 1-е трехлѣтіе (съ 25 февраля).

— Титулярный совѣтникъ Александръ **Пашковскій**—къ Двинскому Александро-Невскому собору, согласно избранію, на 1-е трехлѣтіе (съ 25 февраля).

— Крестьянинъ дер. Стодолища Алексѣй **Ганущенко**—къ Оболь-Онуфріевской церкви, Полоцкаго уѣзда, согласно избранію, на 3-е трехлѣтіе (съ 25 февраля).

— Крестьянинъ Доминиковской волости Антоній **Шаруевъ**—къ Бѣлохвостовской церкви, Невельскаго уѣзда, согласно избранію, на 1-е трехлѣтіе (съ 25 февраля).

— Крестьянинъ дер. Асетокъ Димитрій **Осепенковъ**—къ Мошенинской церкви, Невельскаго уѣзда, согласно избранію, на 3-е трехлѣтіе (съ 25 февраля).

Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода,

Преосвященному Серафиму, Епископу Полоцкому и Витебскому.

По указу **Его Императорскаго Величества,** Святѣйшій Правительствующій Синодъ **слушали:** предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора отъ 28 минувшаго февраля за № 1875, по прошенію исправляющаго должность секретаря Якутской Духовной Консисторіи надвор. совѣтн. Трифонова объ увольненіи его отъ занимаемой должности и о замѣщеніи сей должности. **Приказали:** 1) Уволить исправляющаго должность секретаря Якутской Духовной Консисторіи надвор. совѣт. Трифонова, согласно прошенію, отъ службы, предоставивъ при семъ Преосвященному Якутскому опредѣлить Трифонова на какую-либо другую должность по Якутскому Епархіальному Управленію; 2) со-

гласно настоящему предложенію назначить столоначальника Полоцкой Духовной Консисторіи надворн. совѣт. Пашина исправляющимъ должность секретаря Якутской Консисторіи; о чемъ и увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ. Марта 4 дня 1908 года, № 2673. (Подлинный за надлежащимъ подписомъ).

ЖУРНАЛЫ

Епархіальнаго Съѣзда духовенства Полоцкой епархіи 1907 года.

(Начало журналовъ см. въ № 10 «Пол. Еп. Вѣд.»).

ЖУРНАЛЪ № 18.

1907 года декабря 18 дня. Съѣздъ депутатовъ духовенства Полоцкой епархіи **слушали:** актъ духовенства и церковныхъ старостъ Витебскаго градскаго благочинія отъ 22 ноября 1907 года, въ которомъ духовенство и церковные старосты названнаго благочинія просятъ о передачѣ свѣчной епархіальной лавки въ вѣдѣніе Витебскихъ градскихъ церквей по слѣдующимъ соображеніямъ.

Въ епархіальной лавкѣ производится розничная продажа свѣчъ по 1 р. 40 к. за фунтъ, при чемъ каждому предоставляется право купить хотя бы одну свѣчу самаго мелкаго разбора, тогда какъ въ церквахъ, согласно особымъ распоряженіямъ начальства, 1 фунтъ свѣчъ не можетъ быть проданъ дешевле двухъ рублей. Послѣдствіемъ этого является то, что въ такіе дни, какъ Срѣтеніе Господне, Вербное Воскресенье, Страстная Седьмица и проч., когда православные христіане любятъ возжигать свѣчи за церковными службами, Витебскіе православные прихожане въ большинствѣ покупаютъ свѣчи въ епархіальной лавкѣ. Что касается употребленія свѣчъ при панихидѣ и отпѣваніи умершихъ, то во всѣхъ этихъ случаяхъ свѣчи исключительно покупаются въ епархіальной лавкѣ. Отсюда само собою явствуетъ, что епархіальная свѣчная лавка весьма существенно нарушаетъ интересы Витебскихъ градскихъ церквей. Витебское духовенство и церковные старосты полагаютъ, что если церкви епархіи обязываются покупать свѣчи только въ своемъ епархіальномъ заво-

дѣ, то этимъ самымъ и епархіальный заводъ обязывается не нарушать интересовъ епархіальныхъ церквей и что въ данномъ случаѣ было бы вполнѣ справедливымъ и цѣлесообразно передать свѣчную епархіальную лавку въ вѣдѣніе Витебскихъ градскихъ церквей, съ тѣмъ, чтобы прибыль отъ этой лавки распредѣлялась между Витебскими градскими церквами пропорціонально количеству продаваемыхъ въ нихъ свѣчъ. Само собою разумѣется, что получаемая отъ свѣчной лавки прибыль должна подлежать % обложенію на общеепархіальныя нужды наравнѣ съ прочею доходностію Витебскихъ градскихъ церквей.

Постановили: Въ видѣ опыта передать лавку въ вѣдѣніе Витебскаго городского духовенства съ тѣмъ, чтобы чистая прибыль, по вычисленіи изъ нея 25% обложенія на общеепархіальныя нужны, раздѣлена была между церквами города Витебска и сосѣдними на разстояніи 30 верстъ обратно пропорціонально количеству свѣчъ, продаваемыхъ церквами за указанное время. Вопросъ же сей передать на окончательное рѣшеніе въ предстоящій въ августѣ мѣсяцѣ с. г. Епархіальный съѣздъ по предварительномъ обсужденіи на благочинническихъ съѣздахъ, которымъ будутъ сообщены результаты настоящаго опыта.

Подлинный журналъ подписали три депутата: предсѣдатель священникъ Влад. Альбицкій, священникъ Алексѣй Доновъ и протоіерей Евстафій Кушинъ.

Особое мнѣніе остальныхъ депутатовъ.

Изъ разсмотрѣнія количества прибыли, поступавшихъ отъ продажи свѣчъ въ свѣчной лавкѣ г. Витебска, видно, что чистой прибыли (за вычетомъ какихъ бы то ни было расходовъ по ея содержанію) поступало въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ среднимъ числомъ не менѣе 1500 р., при чемъ вся эта прибыль шла и идетъ на нужды всей епархіи.

Нынѣ о.о. настоятели церквей г. Витебска, желая получать больше дохода въ свои церкви, добиваются взять свѣчную лавку въ свое вѣдѣніе (полное распоряженіе) съ тою конечно цѣлью, какъ высказался представитель церквей г. Витебска о. Доновъ, чтобы съ теченіемъ нѣкотораго времени совсѣмъ закрыть эту лавку.

Такимъ образомъ, вмѣсто настоящей, всѣмъ очевидной прибыли—1500 р. въ годъ, епархія, послѣ передачи свѣчной лавки въ распоряженіе городскихъ церквей, будетъ получать лишь 25% отъ

той лишней чистой свѣчной прибыли, которая будетъ получаться въ городскихъ церквахъ послѣ закрытія свѣчной лавки.

Отсюда можно видѣть, что для того, чтобы епархія не потеряла въ будущемъ чрезъ указанную выше передачу свѣчной лавки своего дохода въ 1500 р. необходимо предположить увеличеніе чистой свѣчной прибыли въ городскихъ церквахъ съ закрытіемъ свѣчной лавки на 6000 руб., что трудно допустимо.

Другая причина неудобства принятія проекта о.о. настоятелей церквей г. Витебска—это несомнѣнное появленіе въ будущемъ съ закрытіемъ свѣчной лавки или сокращеніемъ времени продажи свѣчъ въ оной, тайной, недозволенной продажи свѣчъ въ г. Витебскѣ частными торговцами, что уже было до открытія указанной лавки и что и послужило одной изъ главныхъ причинъ ея учрежденія (такъ какъ у торговцевъ свѣчи продавались по дешевой цѣнѣ, а въ церквахъ г. Витебска по повышенной).

Наконецъ не менѣе чѣмъ предыдущія важная причина неудобства передачи свѣчной лавки въ распоряженіе городскихъ церквей теперь же, хотя бы то до августа мѣсяца с. г. въ видѣ пробы; это—финансовая важность этого вопроса для всего епархіальнаго духовенства и не обсужденіе его на благочинническихъ съѣздахъ, а между тѣмъ проба съ епархіальною свѣчною лавкою въ рукахъ о.о. настоятелей городскихъ церквей можетъ повести къ причиненію убытка общеепархіальнымъ интересамъ, что, безъ сомнѣнія, не желательно для о.о. настоятелей многихъ и многихъ церквей уѣздныхъ городовъ и селъ епархіи.

Подлинный за надлежащимъ подписомъ. На семъ журналѣ резолюція Его Преосвященства 30 января 1908 г. состоялась такая: **«Согласно мнѣнію большинства депутатовъ Витебская свѣчная лавка остается въ вѣдѣніи Правленія Епархіальнаго свѣчного завода, а въ интересахъ Витебскихъ градскихъ церквей продажа свѣчъ въ лавкѣ должна быть ежегодно прекращаема съ Лазаревой субботы по третій день Пасхи».**

ЖУРНАЛЪ № 20.

1907 года декабря 18 дня. Съѣздъ депутатовъ духовенства Полоцкой епархіи **слушали**: циркулярное отношеніе Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода на имя Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Серафима, Епископа Полоцкаго и Витебскаго, отъ 23 іюня 1907 г.

за № 4713, по вопросу объ открытіи въ Полоцкомъ женскомъ училищѣ духовнаго вѣдомства 7-го класса.

Изъ означеннаго отношенія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода видно, что для открытія въ Полоцкомъ женскомъ училищѣ духовнаго вѣдомства 7-го класса потребуется 1) до 2500 р. единовременнаго расхода на пріобрѣтеніе классной мебели, обстановки для дортуара воспитанницъ, чайной и столой посуды и проч. и 2) 2000 р. ежегоднаго расхода на содержаніе личнаго состава служащихъ въ училищѣ, не считая въ томъ числѣ расхода на содержаніе прислуги и на разныя хозяйственныя надобности (напримѣръ отопленіе, освѣщеніе), трудно поддающагося учету. Такъ какъ принятіе всѣхъ означенныхъ расходовъ на счетъ духовно-учебнаго капитала не представляется никакой возможности, а съ другой стороны нельзя разсчитывать и на то, чтобы и Министерство Финансовъ изъявило свое согласіе на принятіе тѣхъ же расходовъ на средства казны, въ виду нынѣшняго тяжелаго финансоваго положенія въ имперіи, то Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода, въ виду настоятельной необходимости въ открытіи при женскихъ училищахъ духовнаго вѣдомства, въ образовательныхъ и педагогическихъ цѣляхъ, 7-го класса, обращается къ Его Преосвященству съ просьбою предложить на обсужденіе Епархіальнаго съѣзда духовенства епархіи вопросъ, считаетъ ли онъ возможнымъ принять на епархіальныя средства въ томъ или другомъ размѣрѣ постоянный и единовременный расходъ, вызываемый открытіемъ 7-го класса. На отношеніи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода резолюція Его Преосвященства послѣдовала 30 ноября с. г. такая: „Епархіальный съѣздъ представитъ по сему свое заключеніе“.

Постановили: открытіе 7-го педагогическаго класса при Полоцкомъ женскомъ училищѣ духовнаго вѣдомства признать весьма желательнымъ; но такъ какъ въ настоящее время епархія вообще обременена разнаго рода налогами, а духовенство озабочено изысканіемъ средствъ на устройство помѣщеній для Полоцкаго Спасо-Евфросиніевскаго епархіальнаго женскаго училища, Епархіальный съѣздъ рѣшительно отказывается указать какіе бы то ни было источники, откуда можно было бы позаимствовать средства на открытіе 7-го класса при Полоцкомъ женскомъ училищѣ духовнаго вѣдомства.

Подлинный за надлежащимъ подписомъ. На семъ журналѣ резолюція Его Преосвященства 30 января 1908 года состоялась такая:

«Консисторія составитъ донесеніе г. Оберъ-Прокурору согласно сему постановленію Епархіальнаго съѣзда».

ЖУРНАЛЪ № 21.

1907 года декабря 18 дня. Съѣздъ духовенства Полоцкой епархіи **слушали**: вопросъ о передачѣ епархіальной свѣчной лавки въ вѣдѣніе Св.-Владимирскаго Братства.

Докладъ Предсъѣздной комиссіи по сему вопросу напечатанъ въ № 36 «Полоцк. Епарх. Вѣд.» 1907 г. стр. 470.

Справка: Правленіе Витебскаго епархіальнаго свѣчного завода отъ 15 декабря за № 742 сообщило съѣзду, что совмѣстнымъ постановленіемъ Правленія свѣчного завода и предсѣдателя Св.-Владимирскаго Братства рѣшено вопросъ о передачѣ епархіальной свѣчной лавки въ вѣдѣніе Св.-Владимирскаго Братства снять съ обсужденія Епархіальнаго съѣзда духовенства.

Постновили: вопросъ о передачѣ епархіальной свѣчной лавки въ вѣдѣніе Св.-Владимирскаго Братства снять съ обсужденія на съѣздѣ.

Подлинный за надлежащимъ подписомъ. На семъ журналѣ резолюція Его Преосвященства 30 января 1908 г. послѣдовала такая: **«Читалъ».**

ЖУРНАЛЪ № 22.

1907 года декабря 17 дня. Съѣздъ депутатовъ духовенства Полоцкой епархіи **слушали**: актъ одного изъ округовъ духовенства Люцинскаго уѣзда о томъ, что въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ епархіи пріемные экзамены не принаравливаются къ началу учебныхъ занятій, почему родители поступающихъ въ училище дѣтей ставятся въ весьма затруднительное положеніе и вынуждены бываютъ или вести дѣтей на нѣсколько дней домой, или нанимать квартиры въ городѣ и оставлять ихъ на произволъ, чѣмъ духовенство вводится въ излишніе расходы.

Постановили: Просить Его Преосвященство предложить Правленіямъ духовно-учебныхъ заведеній производить пріемныя испытанія— съ такимъ разсчетомъ, чтобы вслѣдъ за окончаніемъ экзаменовъ немедленно были начаты учебныя занятія въ заведеніяхъ.

Подлинный за надлежащимъ подписомъ. На семъ журналѣ резолюція Его Преосвященства 30 января 1908 года состоялась такая: **„Правленія учебныхъ заведеній представятъ мнѣ отзывъ по сему“.**

ЖУРНАЛЪ № 26.

1907 года декабря 19 дня. Съѣздъ депутатовъ духовенства Полоцкой епархіи **слушали:** вопросъ о разсчетахъ за земельныя угодья при перемѣщеніи членовъ причта.

Докладъ предсъѣздной комиссіи по сему вопросу напечатанъ въ № 36 „Полоцк. Епарх. Вѣд.“ 1907 г. стр. 460.

Постановили: 1) при разсчетахъ за земельныя угодья при перемѣщеніяхъ членовъ причта строго руководиться ВЫСОЧАЙШЕ утвержденными въ 1873 г. правилами о мѣстныхъ средствахъ содержанія православнаго духовенства, такъ какъ правила эти точно и ясно опредѣляютъ права предмѣстника и преемника; 2) просить Епархіальное Начальство сдѣлать распоряженіе о напечатаніи этихъ правилъ отдѣльно брошюрою за счетъ церквей епархіи о разсылкѣ ихъ по приходамъ епархіи въ руководство духовенству, присовокупивъ къ нимъ опредѣленіе Св. Синода отъ 14 августа сего года за № 9369 относительно пользованія соломою; 3) началомъ сельско-хозяйственнаго года для всѣхъ посѣвовъ считать 1 октября и 4) арендную стоимость пахатной и сѣнокосной десяти земли опредѣлить въ 5 р.

Подлинный за надлежащимъ подписомъ. На семъ журналѣ резолюція Его Преосвященства 30 января 1908 года состоялась такая: **„Исполнить“**.

ЖУРНАЛЪ № 28.

1907 года декабря 19 дня. Съѣздъ депутатовъ отъ духовенства Полоцкой епархіи обсуждали вопросъ объ избраніи на трехлѣтіе члена-дѣлопроизводителя Правленія Епархіальнаго свѣчного завода, въ виду окончанія срока службы члена-дѣлопроизводителя священника Константина Вышелѣсскаго.

Постановили: единогласно избрать на слѣдующее трехлѣтіе членомъ-дѣлопроизводителемъ Правленія Епархіальнаго свѣчного завода —священника Константина Вышелѣсскаго.

Подлинный за надлежащимъ подписомъ. На семъ журналѣ резолюція Его Преосвященства 30 января 1908 года послѣдовала такая: **«Утверждается»**.

ЖУРНАЛЪ № 30.

1907 года декабря 19 дня. Съѣздъ депутатовъ отъ духовенства Полоцкой епархіи обсуждали вопросъ объ избраніи двухъ членовъ

ревизіоннаго комитета Епархіальнаго свѣчного завода, въ виду окончанія срока службы членовъ ревизіоннаго комитета: священника Андрея Хорошкевича и священника Александра Стальмашевскаго.

Постановили: единогласно избрать на слѣдующее трехлѣтіе членами ревизіоннаго комитета Епархіальнаго свѣчного завода священника Павла Гальковскаго и священника Алексѣя Донова.

Подлинный за надлежащимъ подписомъ: На семъ журналѣ резолюціи Его Преосвященства 30 января 1908 года состоялась такая: **„По многимъ причинамъ признаю полезнымъ оставить еще на годъ священниковъ Хорошкевича и Стальмашевскаго“.**

ЖУРНАЛЪ № 33.

1907 года декабря 19 дня. Депутаты отъ духовенства Полоцкой епархіи заслушали прошеніе заштатнаго священника Василія Образскаго отъ 18 декабря о выдачѣ ему на руки стипендіи, идущей на содержаніе его сына Θеодора въ Витебскомъ духовномъ училищѣ съ тѣмъ, чтобы на средства означенной стипендія сынъ его жилъ не въ зданіи училища, а въ квартирѣ отца для болѣе лучшаго наблюденія за его поведеніемъ и успѣхами.

Постановили: просить Правленіе Витебскаго духовнаго училища исполнить ходатайство священника Василія Образскаго.

Подлинный за надлежащимъ подписомъ. На семъ журналѣ резолюція Его Преосвященства 30 января 1908 года состоялась такая: **«Сообщить на усмотрѣніе и заключеніе Правленія Витебскаго духовнаго училища».**

ЖУРНАЛЪ № 34.

1907 года декабря 19 дня. Съѣздъ депутатовъ духовенства Полоцкой епархіи слушали предложеніе священника Θеодора Борнукова о необходимости открытія въ городѣ Двинскѣ епархіальной лавки въ центрѣ православнаго населенія города съ продажею свѣчъ по дешевой цѣнѣ въ цѣляхъ конкуренціи съ Двинскимъ интендантствомъ. продающимъ православному населенію города Двинска свѣчи по одному рублю за фунтъ.

Постановили: передать на обсужденіе окружныхъ съѣздовъ духовенства епархіи съ тѣмъ, чтобы окончательное сужденіе по этому вопросу состоялось на предстоящемъ въ августѣ мѣсяцѣ Епархіальномъ съѣздѣ.

Подлинный за надлежащимъ подписомъ· На семъ журналѣ резолюція Его Преосвященства 30 января 1908 года состоялась такая: **«Исполнить»**.

ЖУРНАЛЪ № 35.

1907 года декабря 19 дня. Съѣздъ депутатовъ духовенства Полоцкой епархіи **слушали**: прошеніе учителя русскаго языка Полоцкаго духовнаго училища 1-го класса Михаила Петровскаго, поданное Его Преосвященству 11 декабря 1907 года съ Епископской резолюціей отъ 17 сего декабря за № 5590 „въ Епархіальный съѣздъ на разсмотрѣніе".

Справка: 1) учитель русскаго языка М. Петровскій, несущій одинаковый трудъ съ другими преподавателями того же училища, обезпеченъ значительно меньшимъ казеннымъ жалованьемъ, недостаточнымъ для сноснаго существованія, при страшной дороговизны жизни, 2) трудъ свой учитель М. Петровскій—проходитъ усердно и добросовѣстно, какъ засвидѣльствовали о.о. депутаты Полоцкаго округа.

Постановили: передать прошеніе М. Петровскаго на разсмотрѣніе Полоцкаго окружнаго съѣздъ съ просьбою оказать означенному М. Петровскому возможное пособіе.

Подлинный за надлежащимъ подписомъ. На семъ журналѣ резолюція Его Преосвященства 30 января 1908 года состоялась такая: **„Исполнить"**.

ЖУРНАЛЪ № 36.

1907 года декабря 19 дня. Съѣздъ депутатовъ духовенства Полоцкой епархіи **слушали**: заявленіе депутата отъ Двинскаго благочинія священника Александа Петровскаго о необходимости въ цѣляхъ уровненія средствъ содержанія духовныхъ мужскихъ училищъ болѣе правильнаго распредѣленія церквей по училищнымъ округомъ, въ виду того, что въ настоящее время въ Полоцкій училищный округъ входятъ церкви бѣднѣйшія въ епархіи и расположенныя въ уѣздахъ съ сплошнымъ иновѣрнымъ населеніемъ, напримѣръ въ уѣздахъ Двинскомъ, Рѣжицкомъ, Люцинскомъ и Дриссенскомъ.

Постановили: настоящій вопросъ передать на обсужденіе благочинннческихъ съѣздовъ духовенства съ тѣмъ, чтобы окончательное рѣшеніе по сему вопросу было дано будущимъ Епархільнымъ съѣздомъ духовенства.

Подлинный за надлежащимъ подписомъ. На семъ журналѣ ре-

золюція Его Преосвященства 30 января 1908 года состоялась такая: **«Исполнить»**.

ЖУРНАЛЪ № 37.

1907 года декабря 19 дня. Съѣздъ депутатовъ отъ духовенства Полоцкой епархіи **слушали**: словесный докладъ члена Государственной Думы протоіерея о. Феодора Никоновича о вопросахъ предполагаемыхъ къ обсужденію Государственной Думы—близко касающихся жизни православнаго прихода, способахъ матеріальнаго обезпеченія духовенства, церковно-приходскихъ школахъ, законоучительствѣ въ народныхъ министерскихъ и земскихъ школахъ, старообрядцахъ, взаимоотношеніяхъ церкви и Государства—въ виду новыхъ законовъ объ иновѣрцахъ и др.

Постановили: въ виду важнаго значенія означенныхъ вопросовъ для православія въ нашемъ отечествѣ вообще и духовенства въ частности предложить высказаться по вышеуказаннымъ предметамъ— благочинническимъ собраніямъ, съ представленіемъ фактически обоснованныхъ предположеній духовенства съ тѣмъ, чтобы заключенія собраній были сообщены редакціи мѣстныхъ «Епархіальныхъ Вѣдомостей», для препровожденія оныхъ депутату Государственной Думы протоіерею о. Θеодору Никоновичу.

Подлинный за надлежащимъ подписомъ. На семъ журналѣ резолюція Его Преосвященства 30 января 1908 года состоялась такая: **«Исполнить»**.

ЖУРНАЛЪ № 38.

1907 года декабря 19 дня. Слушали актъ духовенства одного благочинническаго округа и личное заявленіе одного изъ депутатовъ съѣзда о томъ, что Правленіями духовно-учебныхъ заведеній предлагается родителямъ учащихся брать изъ заведеній дѣтей за невзносъ платы.

Постановили: принимая во вниманіе задержку за послѣднее время въ выдачѣ содержанія духовенству просить Правленія духовно-учебныхъ заведеній не удалять изъ оныхъ за невзносъ платы въ теченіе мѣсяца.

Подлинный за надлежащимъ подписомъ. На семъ журналѣ резолюція Его Преосвященства 30 января 1908 года состоялась такая: **„Сообщить о семъ кому слѣдуетъ“**.

АКТЪ.

1907 г. декабря 19 дня. Съѣздъ депутатовъ отъ духовенства Полоцкой епархіи, разсмотрѣвъ всѣ дѣла, подлежащія обсужденію,

Постановили: съѣздъ считать закрытымъ, а дѣлопроизводство представить чрезъ о. предсѣдателя, свящ. Владимира Альбицкаго на благоусмотрѣніе и утвержденіе Его Преосвященства.

Подлинный за надлежащимъ подписомъ. На семъ актѣ резолюція Его Преосвященства 30 января 1908 года состоялась такая: **„Надлежащія распоряженія учинены“**.

Редакторъ оффиціальнаго отдѣла
Секретарь Консисторіи М. Поповъ.

1908 года. № 11. 15 марта.

ПОЛОЦКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Неоффиціальный отдѣлъ.

Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, какъ борецъ за православную вѣру и русскую народность.

Подпись Константина Константиновича Острожскаго въ актѣ Люблинской уніи стоитъ въ числѣ первыхъ. Изслѣдователи-историки находятъ возможнымъ оправдать въ этомъ Константина Константиновича: они говорятъ, что онъ сдѣлалъ подпись, скрѣпя сердце [11]).

Во всякомъ случаѣ, со времени Люблинской уніи въ Константинѣ Константиновичѣ совершается сильный переворотъ: онъ оставляетъ безпечный образъ жизни и явно выступаетъ въ качествѣ великаго дѣятеля. Вѣроятно тяжелыя условія уніи для русскихъ постоянно безпокоятъ его совѣсть и онъ старается загладить предъ своимъ народомъ свою уступчивость.

По условіямъ Люблинской уніи русско-литовское государство лишалось не только политической самостоятельности и независимости, но подвергалось и опасности лишиться православной вѣры и русской цивилизаціи.

Вотъ эти условія: Литва и Польша сливались въ одно нераздѣльное государство, должны были имѣть одного монарха, общій

[11]) Малышевскій. Западная Русь въ борьбѣ завѣру и народность. Спб. 1897 года, стр. 115.

Календарь на 1908 г. Прилож. къ «Вѣст. Вил. Прав. Св.-Дух. Братства стр. 41. Костомаровъ. Русская исторія въ жизнеоп. ея глав. дѣят. т. I стр. 536.

сеймъ, общій сенатъ, но особые законы, особыхъ правительственныхъ лицъ и отдѣльныя войска. Часть западно-русскихъ областей (Волынь, Украйна и Подляхія) присоединялась отъ Литвы къ Польшѣ. Поляки переставали считаться иностранцами въ Литвѣ и получали право занимать тамъ должности и пріобрѣтать земли [12]).

По послѣдствіямъ обращаютъ на себя вниманіе два послѣднихъ условія, а именно: окончательное сліяніе съ Польшею древне-русскихъ областей и разрѣшеніе полякамъ селиться и пріобрѣтать имѣнія въ русскихъ областяхъ.

По первому условію области, присоединенныя къ Польшѣ, теряли свою политическую самостоятельность окончательно, становились подъ тѣ же законы, какіе были въ Польшѣ и населеніе ихъ причислялось въ собственномъ смыслѣ къ польскому, ихъ культурныя и бытовыя особенности не признавались закономъ.

Послѣднее условіе давало полякамъ возможность полонизовать тѣ области, гдѣ по Люблинской уніи дозволялось имѣть мѣстные законы: поляки, вторгаясь въ такія русско-литовскія области, получали тамъ должности, имѣнія и вообще осѣдлость, давали тамъ, вслѣдствіе высшей культурности и цивилизованности, заправляющій тонъ въ устроеніи и направленіи общественной, семейной и даже церковной жизни [13]).

Полонизаторскія стремленія Польши одною Люблинскою уніею не могли кончиться. Эту мысль высказалъ и король Сигизмундъ II на сеймѣ въ Люблинѣ. Въ концѣ своей рѣчи онъ выразилъ свое желаніе возстановить единство вѣры; впрочемъ онъ предупредилъ, что этого желаетъ достигнуть безъ всякаго насилія совѣсти и не прибѣгая къ насильственнымъ мѣрамъ, неумѣстнымъ въ дѣлѣ вѣры и совѣсти [14]).

Послѣ Люблинскаго сейма и началось тотчасъ же подготовленіе къ церковной уніи.

Самое дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ приняли іезуиты, выз-

---

[12]) С. Ѳ. Платоновъ. Лекціи по русской исторіи. Спб. 1901 г. стр, 343.

[13]) Батюшковъ. Бѣлоруссія и Литва. Историческія судьбы сѣверо-западнаго края. Спб. 1890 г. стр. 177—178.

Батюшковъ. Волынь. Историческія судьбы юго-западнаго края. Спб. 1888 года стр. 116—118.

[14]) Батюшковъ. Холмская Русь. Историческія судьбы русскаго забужья. Сп. 1887 г. стр. 58—59.

ванные въ Польско-Литовское государство 1565 года для борьбы съ распространявшимся среди аристократіи протестантствомъ.

Ближайшими подготовительными мѣрами, предпринятыми со стороны правительства къ введенію церковной уніи въ Польско Литовскомъ государствѣ, были искусственное постепенное униженіе и обезличеніе русской народности и православной церкви и возвеличеніе и усиленіе католической церкви.

Поляки давали много льготъ тѣмъ изъ православныхъ дворянъ, которые принимали католичество и, наоборотъ, всячески отталкивали отъ почетныхъ и выгодныхъ должностей лицъ, вѣрныхъ православію.

На православное русское дворянство они смотрѣли свысока, такъ какъ считали себя много образованнѣе.

Сталкиваясь съ польскимъ дворянствомъ, русскіе и сами стали сознавать недостаточность своего образованія. Естественно, что жажда образованія овладѣла русскими дворянами и они потянулись за польскою шляхтою и стали во всемъ подражать ей. Это вліяніе отразилось сначала на внѣшнемъ образѣ жизни, а потомъ коснулось и внутренней жизни и русскіе дворяне стали стыдиться родныхъ обычаевъ, какъ свидѣтельствующихъ по тогдашнимъ понятіямъ, о грубости и невѣжествѣ придерживающихся ихъ [15]).

Стали дворяне стыдиться въ концѣ-концовъ и своей религіи и духовенства и въ этомъ не мало повинно польское правительство, такъ какъ оно искусственно постаралось произвести безпорядки въ православной церкви и унизить ее въ умственномъ отношеніи.

Съ половины XVI вѣка польскіе короли взяли исключительно въ свои руки раздачу церковныхъ должностей и брали за нихъ деньги въ свою казну.

Искателей церковныхъ должностей среди русско-литовскаго дворянства въ то время было много; вслѣдствіе измѣнившихся бытовыхъ условій, стремленія къ роскоши и расточительности, западно-русскіе шляхтичи скоро ощутили недостаточность прежнихъ источниковъ матеріальнаго обезпеченія и разными мѣрами старались испрашивать у короля грамоты на доходныя мѣста и должности и, между прочимъ, на епископіи и архимандріи, владѣвшія весьма значительными имѣніями. Получивъ мѣста, такіе епископы и архимандриты—шляхтичи не заботились объ добросовѣстномъ исполненіи своего долга, а все вниманіе и помыслы посвящали одной заботѣ о личномъ обогащеніи.

---

[15]) Брянцевъ. Исторія Литовскаго государства, стр. 399.

Короли польскіе не заботились о томъ, чтобы давать мѣста подготовленнымъ кандидатамъ, а потому епископскія каѳедры и другія іерархическія должности занимали лица недостойныя, неподготовленныя, часто преступники и безнравственные. Церковная іерархія предалась порокамъ, чѣмъ еще больше отдалила отъ себя шляхетство и заставила его стыдиться ея. Образованіе совершенно угасло: низшее духовенство было въ большинствѣ случаевъ невѣжественно.

Вообще положеніе церкви было ужасное. „Всѣ нашу благочестивую вѣру хулятъ, пишетъ одинъ писатель XVI вѣка, ненавидятъ, правила и уставы нашей церкви презираютъ и никто изъ нашихъ не желаетъ постоять за церковь Божію. Нѣтъ у насъ учителей, нѣтъ проповѣдниковъ слова Божія; отступленіе отъ вѣры полное; ничто не утѣшаетъ насъ; приходится сказать съ пророкомъ: „кто дастъ воду главѣ моей и источникъ слезъ глазамъ моимъ“ [16]).

Совершенно другую картину представляла католическая іерархія; въ числѣ ея были по большей части люди образованные, имѣющіе деликатныя манеры.

Такое положеніе православной церкви хорошо поняли и оцѣнили іезуиты. Они слабостями церкви воспользовались для того, чтобы подготовить соединеніе православія съ католичествомъ.

Дѣятельность ихъ, благодаря особымъ тонкимъ ихъ пріемамъ, сначала была незамѣтна для православныхъ: „іезуиты, по удачному выраженію одного поляка на сеймѣ 1590 года,—такая губительная язва, которую не ранѣе можно примѣтить, какъ въ то время, когда уже весь организмъ придетъ въ воспалительное состояніе“.

Іезуиты хорошо поняли, что предлагать русскимъ католичество въ чистой формѣ нельзя, такъ какъ это значитъ окончательно провалиться; а поэтому разработали тонкій планъ церковной уніи съ уступками русскимъ по большей части въ области обряда.

Чтобы обезпечить исполненіе своего плана, они постарались устранить все вредное для себя.

Вся внѣшняя сила западно-русской церкви заключалась въ такъ называемомъ патронатѣ (покровительствѣ) надъ нею лучшихъ ея сыновъ, по которому русское дворянство имѣло право наслѣдственно благоустроять извѣстные монастыри и приходскія церкви, обезпечивать ихъ средствами, избирать настоятелей и священниковъ, охранять отъ безпорядковъ, обидъ и притѣсненій.

---

[16]) Брянцевъ. Исторія Литовскаго государства, стр. 400—405. Батюшковъ. Холмская Русь, стр. 58—63.

Іезуиты и постарались ослабить значеніе патроната, не уничтожая его правъ, разрушивъ нравственную его основу, т. е. любовь патроновъ къ православной церкви.

Для этой цѣли они открыли множество учебныхъ заведеній въ русскихъ обяастяхъ съ весьма разнообразными программами. Образованіе въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ давалось образцовое, что привлекало въ нихъ много учащихся.

Изъ этихъ школъ выходили дѣти православныхъ почти окатоличенными, такъ какъ іезуитскія школы „были школами самаго лихорадочнаго латинскаго фанатизма, а всѣ іезуитскія проповѣди, дружескія бесѣды, внушенія, составляли, по заключенію нѣкоторыхъ изслѣдователей, необходимое и неизмѣнное дополненіе ихъ школьнаго образованія".

Ослабили іезуиты и значеніе церковной іерархіи въ дѣлѣ борьбы съ католическимъ вліяніемъ: они постарались занять большинство каѳедръ лицами, предубѣжденными противъ константинопольскаго патріарха.

Подготовили такихъ лицъ іезуиты при помощи изданія массы спеціальныхъ брошюръ и книгъ и распространенія ихъ между русскими [17]).

Вліяніе іезуитовъ на русскихъ было настолько сильно, что его не избѣжали самые преданные церкви люди, не избѣжалъ его и князь Константинъ Константиновичъ Острожскій.

Оставаясь вѣрнымъ церкви, Константинъ Константиновичъ Острожскій былъ вначалѣ очень расположенъ и къ іезуитамъ, пустилъ ихъ въ свои владѣнія и очень былъ близокъ съ однимъ изъ нихъ, по имени Мотовила. За такую близость, между прочимъ, порицалъ князя Московскій бѣглецъ князь Курбскій, когда получилъ отъ него книгу Мотовила. «О государь мой превозлюбленный, писалъ онъ,—зачѣмъ ты прислалъ ко мнѣ книгу, написанную непріятелемъ Христа, помощникомъ антихриста и вѣрнымъ слугою его? Съ кѣмъ ты дружишься, съ кѣмъ сообщаешься, кого на помощь призываешь!.. Прими отъ меня, слуги своего вѣрнаго, совѣтъ съ кротостью: перестань дружиться съ этими супостатами, прелукавыми и злыми. Никто не можетъ быть другъ царя, если ведетъ дружбу съ его непріятелями и держитъ, какъ за пазухою, змѣя; трикратно молю те-

[17]) Кояловичъ. Литовская церковная унія. т. I С.-Петерб. 1859 г. 40—53.

бя, перестань такъ поступать, будь подобенъ праотцамъ твоимъ по ревности благочестія" [18]).

Видимо, іезуиты сильно разсчитывали на Константина Константиновича Острожскаго въ дѣлѣ заключенія уніи съ Римомъ; извѣстно, напримѣръ, что іезуитъ Скарга въ 1577 г. посвятилъ ему цѣлую книгу „о единствѣ церкви Божіей подъ однимъ пастыремъ и о греческомъ отъ сего единства отступленіи", гдѣ ясно приводилась мысль объ уніи. Іезуитъ доказывалъ, что для западно-русской церкви будто бы нѣтъ и не можетъ быть другого выхода изъ такого жалкаго и разстроеннаго положенія, въ какомъ она тогда находилась, какъ только возобновить состоявшееся нѣкогда на Флорентійскомъ соборѣ соединеніе съ католическою церковью подъ главенствомъ римскаго первосвященника, но съ удержаніемъ своихъ восточныхъ обрядовъ; что греки безсильны оказать какую-либо помощь, такъ какъ и сами, находясь въ неволѣ, страдаютъ будто бы тѣми же нестроеніями и погрязаютъ въ невѣжествѣ; что восточные патріархи никогда не заботились о русской церкви и намѣренно удерживали русскихъ въ невѣжествѣ, чтобы удобнѣе обирать ихъ; что истинная наука и просвѣщеніе отличаютъ только римскую церковь [19]).

Курбскій старался ослабить доказательства книги іезуита Скарги, но видимо, мысль объ уніи запала въ голову Константина Константиновича Острожскаго, такъ какъ онъ, какъ мы увидимъ потомъ, испробовавъ всевозможныя средства для устраненія безпорядковъ въ церкви, имѣлъ переписку объ уніи съ однимъ изъ дѣятелей ея.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[18]) Костомаровъ. Русск. истор. т. I стр. 536—537.

[19]) Батюшковъ. Волынь, стр. 127.

А. И. Яцимирскій. Изъ исторіи духовнаго просвѣщенія и школьнаго дѣла въ Западной Руси. Народное образованіе 1908 г. Февраль стр. 146.

Брандъ*)

(Ибсена).

(Опытъ уясненія и оцѣнки его міровоззрѣнія).

Въ наше тревожное, бурное время, когда все то, что раньше скрывалось въ тайникахъ души, смѣло рвется наружу, когда поистинѣ начинается «переоцѣнка всѣхъ цѣнностей», нашъ взоръ не можетъ не остановиться на замѣчательной личности, обрисованной знаменитымъ норвежскимъ писателемъ Генрихомъ Ибсеномъ—Брандѣ. Наше время усиленно выдвигаетъ самыя смѣлыя соціально-экономическія проблемы, которыя ихъ создателямъ кажутся осуществимыми, а массѣ—утопическими, безпочвенными мечтаніями. Ибсеновскій Брандъ также стремится къ измѣненію формъ жизни и къ ея обновленію, но этотъ соціально-экономическій базисъ оставляетъ въ сторонѣ; онъ для него какъ бы не существуетъ; для него важна одна только проблема—нравственная; онъ проповѣдникъ нравственнаго абсолютизма, духовно-нравственнаго возрожденія и очищенія личности.

Впрочемъ, не будемъ забѣгать впередъ, а станемъ слѣдовать плану нашей рѣчи—передадимъ сначала вкратцѣ внѣшнюю сторону сюжета поэмы, выяснимъ нравственное міровоззрѣніе ея главнаго героя, а потомъ предложимъ посильную критическую оцѣнку этого міровоззрѣнія.

I.

Внѣшняя сторона жизни Бранда въ общемъ несложна, хотя и глубоко драматична.

Брандъ сначала выступаетъ предъ нами въ роли молодого, но не по лѣтамъ серьезнаго, безмѣстнаго священника, охваченнаго высокимъ порывомъ особаго призванія, зовущаго его на великое служеніе—повѣдать міру новое слово, «создать новыхъ людей, совершенныхъ, цѣльныхъ и чистыхъ»... Окрыленный этимъ призваніемъ, готовый, подобно пушкинскому пророку, „глаголомъ жечь сердца людей", Брандъ исполненъ отваги и силъ. Ему тѣсны

*) Религіозно-нравственное чтеніе, предложенное отъ имени Св.-Владимірскаго Братства въ залѣ городской думы 2 марта инспекторомъ классовъ женскаго духовнаго училища Н. Д. Тихомировымъ.

рамки дѣятельности обыкновеннаго священника; ему, какъ онъ выражается, «нужно, чтобы весь міръ внималъ слухомъ чуткимъ» его словамъ, но затѣмъ, отчасти подъ вліяніемъ Агнесъ—чистой, идейной дѣвушки, увлеченной личностью Бранда и въ свою очередь очаровавшей его, а, главное, вслѣдствіе своего духовнаго роста, Брандъ понялъ, что и маленькое дѣло можетъ быть великимъ, такъ какъ весь успѣхъ дѣятельности священника состоитъ не во внѣшней широтѣ проповѣди, а въ ея внутренней силѣ и глубинѣ. Понявъ это, онъ дѣлается приходскимъ пастыремъ, избравъ мѣстомъ своего служенія дикій, суровый край, населенный бѣдными рыбаками; этимъ послѣднимъ, ихъ нравственному перерожденію и перевоспитанію онъ отдаетъ всю свою душу. Занявъ скромное мѣсто приходскаго священника, Брандъ женится на Агнесъ, которая является для него подругой жизни въ самомъ высокомъ и благородномъ смыслѣ этого слова. Въ ихъ супружествѣ Ибсенъ рисуетъ нашъ идеальный бракъ, какимъ онъ себѣ его представляетъ,—бракъ, основанный на полной вѣрѣ, взаимномъ пониманіи и общности интересовъ. Чувственный элементъ не играетъ здѣсь никакой роли. Пробнымъ камнемъ истиннаго брака служитъ готовность приносить жертвы. Агнесъ и приноситъ всѣ тяжелыя жертвы, которыя возлагаетъ на нее долгъ Бранда; не останавливается даже предъ самой тягчайшей. У Агнесъ и Бранда есть ребенокъ Альфъ, который составляетъ радость и гордость обоихъ. Но въ горномъ ущельѣ, гдѣ находится приходъ Бранда, сыро и мрачно; тамъ мало солнца, дуютъ холодные, рѣзкіе вѣтры. Ребенокъ въ такой обстановкѣ хирѣетъ, и врачъ совѣтуетъ встревоженнымъ родителямъ перемѣнить мѣсто жительства, утверждая, что это—единственное средство спасти дитя отъ вѣрной смерти. Но долгъ, взятый на себя Брандомъ по отношенію къ приходу, возложенная имъ на себя миссія —внести свѣтъ въ жизнь и сознаніе людей, которые вѣрятъ въ него и души которыхъ, покинь онъ ихъ, снова погрузятся въ безпросвѣтную тьму,—велятъ остаться. Брандъ не сворачиваетъ съ избраннаго пути, пути суроваго долга, остается на своемъ посту, какъ священникъ, и Агнесъ остается на своемъ, какъ жена, неразлучная спутница и помощница мужа. Ребенокъ умираетъ. Но и этой жертвы оказывается мало. Агнесъ живетъ воспоминаніями о любимомъ сынѣ, хранитъ его одежду, какъ святыню. Это кажется Бранду идолопоклонствомъ, и онъ, пользуясь появленіемъ нищей цыганки съ полунагимъ ребенкомъ, велитъ Агнесъ отдать все нищей. Послѣ тяжелой внутренней борьбы Агнесъ приноситъ и эту послѣднюю жертву, которая, являясь полнымъ разрывомъ съ прошлымъ, приноситъ съ собой полную духовную

свободу, но и смерть Агнесъ». [1]) И вотъ, Брандъ—одинъ, но онъ стоекъ, не падаетъ духомъ, и даже кажется, будто разразившіяся надъ нимъ несчастія только еще болѣе закаляютъ его волю, дѣлая его еще непреклоннѣе въ дѣлѣ достиженія своихъ цѣлей. Вліяніе пастора среди его пасомыхъ растетъ, но своего апогея оно достигаетъ въ тотъ моментъ, когда онъ предъ лицомъ пробста и фогта—мѣстныхъ офиціальныхъ представителей церковной и гражданской власти и въ присутствіи всего прихода, собравшагося на торжество освященія вновь выстроенной церкви, произноситъ въ высшей степени сильную рѣчь о той лжи и фальши, которая, какъ паутина, опутала всю жизнь современныхъ людей. Возмущаетъ его до глубины души и бездушное лицемѣріе оффиціальной церкви. Его не удовлетворяетъ теперь даже и созданный имъ свѣтлый и просторный храмъ, который долженъ служить тому же христіанству его современниковъ, а противъ этого христіанства, въ которомъ очень мало или даже ничего нѣтъ истинно-христіанскаго, вѣдь онъ и вооружается. Нѣтъ, онъ мечтаетъ о другомъ храмѣ, въ которомъ находила бы свой пріютъ не только одна вѣра, но подъ сѣнію котораго проходила бы, развивалась вся жизнь людская, съ ея заботами, трудомъ, печалью, радостями, весельемъ и пр. Брандъ наэлектризовываетъ толпу, и она готова оставить все, съ чѣмъ она сжилась, и идти за своимъ вдохновеннымъ пророкомъ. „Веди! Всѣ мы идемъ за тобой!“ кричатъ загипнотизированные его рѣчью слушатели, поднимаютъ его на руки и несутъ его на своихъ плечахъ, а потомъ покорно слѣдуютъ за нимъ въ поискахъ новаго храма, новой жизни. Впрочемъ, такое воодушевленіе толпы скоро остываетъ, такъ какъ трудности, которыя она встрѣчаетъ на пути, ей кажутся невыносимыми. Начинается общій ропотъ на Бранда, который будто бы обманулъ толпу и увлекъ ее какими-то несбыточными надеждами. Тутъ подоспѣли оффиціальные власти (пробстъ и фогтъ) и начали уговаривать толпу возвратиться назадъ. Отлично понимая психологію толпы, слишкомъ подверженной смѣнѣ настроенія и прежде всего и выше всего цѣнящей мірское благополучіе, фогтъ смѣло началъ лгать ей о необычайно богатомъ наплывѣ сельдей, которые обѣщали богатый уловъ населенію. Фиктивные сельди и рѣшили участь Бранда—какъ прежде толпа съ величайшимъ энтузіазмомъ слушала и шла за Брандомъ, такъ теперь въ сильнѣйшемъ негодованіи бросаетъ въ него камни, шлетъ ему проклятія и гонитъ его на пустынныя скалы; сама же съ восторгомъ идетъ домой, во всемъ повинуясь своимъ старымъ руководите-

[1]) Брандъ, поэма Ибсена, предисловіе Ганзена, стр. 12—13.

лямъ. И вотъ Брандъ, всѣми брошенный, окровавленный, поднимается на горную площадку, гдѣ ему является лукавый искуситель въ образѣ его умершей такъ горячо любимой жены Агнесъ. Видѣніе увѣряетъ его, что онъ долженъ отречься отъ своихъ убѣжденій, признать свою дѣятельность ложной, и тогда для него начнется новая и уже счастливая жизнь. Но Брандъ остается непреклоненъ и вѣренъ себѣ— онъ и теперь убѣжденъ, что только его дѣятельность и его жизнь и имѣла смыслъ; другой же жизни онъ не хочетъ. Брандъ поднимается тогда на такую высокую степень совершенсгва, что его можно считать осуществившимъ въ своей личности истинный идеалъ человѣка, понимаемый въ высшемъ значеніи этого слова. «Ты человѣкъ, ты выше всѣхъ», говоритъ ему встрѣтившая его въ горахъ безумная, но ясновидящая Гердъ. Правда, самъ Брандъ не думаетъ, что онъ выше всѣхъ, но въ душѣ его совершается какой-то переломъ. «Долго считалъ я доселѣ—служить чистой скрижалью для Бога; чувствомъ согрѣта и смысла полна жизнь моя будетъ отнынѣ. Цѣпь порвалась ледяная—могу плакать, любить и молиться", говоритъ про себя Брандъ, прислушиваясь къ зарождающемуся въ его душѣ новому, мягкому, примиряющему настроенію. Но часы его жизни сочтены; ему нѣтъ уже мѣста въ мірѣ; онъ слишкомъ не подходитъ къ его тѣснымъ рамкамъ, и смерть уноситъ его изъ этого міра, который его не хотѣлъ понять, да, вѣроятно, никогда бы и не понялъ. Онъ погибаетъ подъ градомъ камней, которые съ вершины горы обрушились надъ нимъ, и тогда онъ сквозь раскаты грома слышитъ голосъ: «Богъ, Онъ Deus caritatis, т. е. Богъ любви».

Обращаясь къ нравственному міровоззрѣнію Бранда, мы находимъ въ немъ много своеобразнаго.

Брандъ, по своему воззрѣнію, прежде всего крайній индивидуалистъ. Онъ требуетъ цѣльной личности, не половинчатой, не раздробленной. Самымъ яркимъ выраженіемъ личности онъ признаетъ его волю, которую Брандъ называетъ „единственнымъ цементомъ надежнымъ, способнымъ погубить и освободить духъ человѣческій". Эта воля должна быть главной силой въ человѣкѣ и направлять его къ такой жизни и дѣятельности, которая только и свойственна человѣку, если только понимать этого послѣдняго въ истинномъ и благородномъ смыслѣ этого слова. Воля эта должна быть пряма и непреклонна, чуждая всякой половинчатости и какой либо раздвоенности. Она должна идти на проломъ, снять всѣ путы, разбить всѣ оковы и вывести своего обладателя на тотъ путь, идя которымъ только и можно осуществить истинно-человѣческое призваніе человѣка. Въ чемъ же состоитъ это призваніе человѣка, для котора-

го мощная воля служитъ величайшимъ руководителемъ? Призваніе человѣка состоитъ въ томъ, чтобы изъ сферы низменныхъ интересовъ подняться въ вершины духа путемъ полнаго духовнаго возрожденія. Этого же послѣдняго невозможно достигнуть иначе, какъ черезъ полную отрѣшенность отъ всѣхъ мірскихъ привязанностей. Человѣкъ долженъ потерять всѣхъ боговъ мірскихъ, освободить себя „отъ рабства всѣхъ цѣпей, блестящихъ, позолоченныхъ“, говоритъ Брандъ, и тогда онъ можетъ думать, что онъ на вѣрномъ пути и выполняетъ истинное призваніе человѣка. Словомъ, человѣкъ долженъ отказаться „отъ всего“. «Все—иль ничего», вотъ основной нравственный девизъ Бранда. Ясно, что жизнь такого человѣка должна быть сплошнымъ «подвигомъ», какимъ-то постояннымъ пламеннымъ священнодѣйствіемъ, исполненнымъ такой „готовности, радостной къ жертвамъ, которую и смерть не остановитъ“, какъ выражается Брандъ. Ясно отсюда также и то, что для восхожденія на такую вершину духа, куда зоветъ человѣка Брандъ, нужна именно твердая, непреклонная воля, воспитаніе и укрѣпленіе которой онъ и считаетъ особенно необходимымъ и важнымъ для человѣка.

Укрѣпивъ въ себѣ такую волю, самъ Брандъ до конца слѣдуетъ своему девизу жертвовать „всѣмъ“ и, дѣйствительно, жертвуетъ. Онъ всего себя предалъ, какъ мы видѣли ранѣе, на служеніе своей паствѣ и въ жертву этому служенію онъ приноситъ все самое ему дорогое: жертвуетъ своимъ единственнымъ сыномъ и любимой женой, которыхъ онъ приноситъ на алтарь неумолимаго долга. Но, все отдавая другимъ и себѣ не оставляя ничего, онъ такой же жертвы, полнаго личнаго самоотверженія требуетъ и отъ всѣхъ людей и прежде всего, конечно, отъ тѣхъ, кто съ нимъ всего болѣе соприкасается—отъ жены, матери. Его жена Агнесъ не можетъ забыть своего умершаго сына, тоскуетъ по немъ; но Брандъ требуетъ, чтобы она съ корнемъ вырвала изъ сердца эту земную привязанность, сковывающую ея духъ и мѣшающую ей быть совершенно свободной отъ всего того, что стѣсняетъ свободный полетъ человѣка къ небу. Съ такой же неумолимой послѣдовательностью онъ относится и къ своей умирающей матери, требуя отъ нея пожертвовать самымъ для нея дорогимъ богатствомъ и отказывая ей, по причинѣ ея нежеланія разстаться со *всѣмъ* богатствомъ, въ предсмертномъ разрѣшеніи грѣховъ и причащеніи.

Такой же «готовности къ жертвамъ» и притомъ «радостной» онъ требуетъ и отъ своихъ прихожанъ. Эти послѣдніе, какъ и вообще всѣ люди, называютъ себя христіанами, но они христіане только по имени. Они не подняли кре-

ста Христова, такъ какъ его считаютъ себѣ не по силамъ. Брандъ видитъ, что люди воздвигли церкви, назвали ихъ Христовыми, бываютъ въ нихъ по праздникамъ и съ спокойной совѣстью считаютъ, что этого совершенно достаточно, чтобы называться христiанами.

Идти же путемъ Христа, путемъ подвига и самоотреченiя они не считаютъ нужнымъ, такъ-какъ это не посиламъ слабому человѣческому роду. Они истинное, подлинное цѣльное христiанство подмѣнили, такимъ образомъ, своимъ собственнымъ, ложнымъ полу-христiанствомъ, чѣмъ очень облегчили себѣ путь спасенiя. Они подмѣнили Бога-„всесильнаго, грознаго царя", инымъ богомъ, который въ ихъ представленiи является добродушнымъ сѣденькимъ старичкомъ, очень любящимъ прощать.

Они придумали для своего облегченiя и успокоенiя какую-то особую любовь, которая только развращаетъ людей, „съ сатанинской хитростью прикрывая всѣ изъяны воли", какъ выражается Брандъ. Люди такъ много надѣются въ настоящей жизни на всепрощающую любовь, что эта надежда убиваетъ у нихъ всякое усилiе воли въ борьбѣ съ грѣхомъ.

Путь труденъ, крутъ—его укоротить,
Велитъ... любовь! Идемъ дорогой торной,
Грѣха—надѣемся спастись... любовью!
Мы видимъ цѣль, но чтобъ достичь ея,
Зачѣмъ борьба? Мы побѣдимъ...любовью.
Заблудимся, хотя дорогу знаемъ—
Убѣжище намъ все же дастъ... любовь!

Брандъ не принимаетъ такого полухристiанства, считая, что если кто хочетъ быть христiаниномъ, то долженъ имъ быть до конца. Онъ не мирится и съ милосердымъ, всепрощающимъ Богомъ. Его Богъ, повторяемъ,—«всесильный, грозный царь». «Онъ—неумолимый судiя, карающiй грѣхи отцовъ даже до третьяго колѣна». «Любовь Его ласкова до крови, жестока до смерти; она не знаетъ слабости, она сурова, къ избранникамъ своимъ неумолима». Ея суровость особенно обнаружилась при крестныхъ страданiяхъ Христа.

Томясь душою въ рощѣ Геѳсиманской,
Молился Сынъ: да минетъ эта чаша!
И что же—внялъ Отецъ мольбѣ Сыновней?
Нѣтъ, чашу осушить пришлось до дна!

II.

Переходя къ оцѣнкѣ нравственнаго мiровоззрѣнiя Бранда, мы должны ука-

зать прежде всего на нѣкоторое сходство между взглядами Бранда и извѣстнаго философа Ницше. Оба они—проповѣдники нравственнаго абсолютизма, превыше всего ставящіе сильную личность. По мнѣнію Ницше, истинными людьми, въ полномъ значеніи этого слова, являются только тѣ, у которыхъ особенно развита воля, направляющаяся къ владычеству надъ людьми. Ту же волю превозноситъ, какъ мы видѣли, и Брандъ, но она направляется у него къ владычеству прежде всего надъ самимъ собой. Но, разумѣется, овладѣвъ самимъ собой, такой человѣкъ легко можетъ овладѣть и другими, подчинивъ ихъ своему вліянію. Эта сила воли подчинила вѣдь толпу Бранду и хотя на нѣкоторое время уподобила его ницшевскому «сверхчеловѣку». Брандъ настолько увлеченъ красотой и силой воли, что готовъ привѣтствовать даже злую, но сильную волю, мотивируяэто тѣмъ, что „плоское и низменное все такимъ ужъ и останется на вѣки; а зло возможно обратить въ добро". Эта воля, по Бранду, должна быть чужда той разслабляющей любви, которую такъ цѣнятъ его современники, имевующіеся христіанами. Здѣсь тоже можно указать аналогію съ Ницше. Этотъ послѣдній со всей безпощадностью обрушился на христіанскій принципъ любви, считая его величайшимъ зломъ человѣчества, которое, принявъ христіанство, начало мельчать и вырождаться; любви и всепрощенію онъ противополагаетъ жестокость, эгоизмъ, что только, по его мнѣнію, и можетъ укрѣпить силу въ человѣкѣ. [2]) Правда, Брандъ не защищаетъ ницшеанскаго эгоизма, какъ единственнаго стимула жизни и человѣческой дѣятельности, но, провозглашая, что для его современниковъ самая лучшая любовь—это ненавистъ, какъ зародышъ борьбы великой, міровой", онъ несомнѣнно, нѣсколько приближается къ Ницше. Впрочемъ, указывая нѣкоторыя черты, сближающія нравственное міровоззрѣніе Бранда съ таковымъ же міровоззрѣніемъ Ницше, мы далеки отъ мысли въ томъ и другомъ видѣть полное сходство. Ницше — защитникъ въ сущности языческихъ идеаловъ, и былъ атеистомъ въ самомъ полномъ смыслѣ этого слова. Брандъ же былъ глубоко религіозный человѣкъ, хотя и великій протестантъ и противникъ всѣхъ традиціонныхъ вѣрованій современниковъ; но замѣчательно, мы и здѣсь можемъ увидать нѣкоторую параллель между тѣмъ и другимъ. „Ницше утратилъ вѣру въ Бога, но онъ страстно стремился къ потерянному имъ высшему идеалу и не переставалъ испытывать безумную любовь къ непонятому Богу. Мы слышимъ положительно плачъ въ этихъ его словахъ: „Возвратись, со всѣми тво-

---

2) См. нашу статью „Ницше и Достоевскій.

ими старыми мученіями возвратись! Мои слезы текутъ къ тебѣ. И мое послѣднее сердечное пламя—оно для тебя, только для тебя горитъ еще. О, возвратись, мой невѣдомый Богъ, моя скорбь, мое послѣднее "счастье"... Какъ глубоко Ницше сознавалъ, что значитъ потерять или, какъ онъ фигурально выражался «похоронить» Бога, видно изъ его замѣчательной повѣсти о безумцѣ, ищущемъ Бога. «Вы слышали, говоритъ онъ, о томъ безумцѣ, который зажегъ фонарь въ свѣтлый полдень, выбѣжалъ на площадь и кричалъ: „Бога я ищу, Бога"! Всѣ смѣялись... Но безумецъ все бѣжалъ въ толпѣ и, пронизывая всѣхъ взглядомъ, кричалъ: „Гдѣ Богъ?.. Сказать-ли?.. Мы его убили,—и вы, и я... Мы всѣ убійцы... Но какъ могли мы это сдѣлать? Какъ могли мы выпить море? Кто далъ намъ эту губку стереть со всего горизонта?.. Куда мы идемъ?.. Есть ли еще верхъ и низъ? Не блуждаемъ ли мы въ безконечномъ ничто? Не дышитъ ли въ насъ пустое пространство? Не стало ли холоднѣе. Не наступаетъ ли болѣе и болѣе темная ночь? Развѣ вы не слышите шумъ могильщиковъ, погребающихъ Бога?.. Богъ умеръ! Богъ не воскреснетъ!.. И мы его убили! Чѣмъ мы утѣшимся, убійцы изъ убійцъ? Самое святое существо, которое только было въ мірѣ, истекло кровью подъ нашими ножами! Кто смоетъ съ насъ эту кровь?» [3]) Ту же тоску по идеалѣ мы видимъ и у Бранда. Будучи, позторяемъ, глубокорелигіознымъ человѣкомъ, онъ такъ же „хоронитъ" Бога, какъ и Ницше. Давно закутать въ саванъ и схоронить пора открыто бога рабовъ земли и будничнаго дѣла! Давно пора понять вамъ, что успѣлъ онъ одряхлѣть за сотню сотенъ лѣтъ... Какъ самый родъ людской, онъ долженъ былъ состариться, и можно его изображать въ очкахъ и лысымъ. Но этотъ богъ—лишь вашъ и твой, не мой! Богъ мой—онъ—буря, тамъ, гдѣ вѣтеръ твой; неумолимъ, гдѣ твой лишь равнодушенъ; и милосердъ, гдѣ твой лишь добродушенъ; Богъ мой—онъ юнъ; скорѣе Геркулесъ, чѣмъ дѣдушка. Богъ мой—онъ у Синая какъ громъ гремѣлъ Израилю съ небесъ, горѣлъ кустомъ терновымъ, не сгорая, предъ Моисеемъ на горѣ Хоривъ; остановилъ бѣгъ солнца при Навинѣ и чудеса творилъ бы и понынѣ, не будь весь родъ людской такъ тупъ, лѣнивъ", говорилъ Брандъ Эйнару. Послѣдній пришелъ въ ужасъ отъ такихъ словъ Бранда и сказалъ ему: «Ну передѣлывай, какъ знаешь, свѣтъ, я Бога своего держаться буду»!. Брандъ ему отвѣтилъ: „рисуй себѣ его на костыляхъ, а я приду и схороню его!» Ницше, повторяемъ, также хоронилъ Бога, но у него на мѣсто Бога не нашлось ничего, кромѣ пустого мѣста, и вслѣдствіе этого онъ испытывалъ, какъ мы видѣ-

---

[3]) См. тамъ же.

ли, страшную душевную муку, заплативъ въ концѣ-концовъ сумасшествіемъ и преждевременной смертью за свое противоборство тому, безъ чего не можетъ жить человѣкъ. У Бранда на мѣсто отрицаемаго имъ христіанскаго Бога поставленъ свой Богъ—ветхо-завѣтный Іегова, онъ обращаетъ взоръ свой въ сторону ветхо-завѣтныхъ идеаловъ, но онъ не понимаетъ Христа, хотя, видимо страстно стремится къ Нему. „О, Іисусъ! Я всю жизнь Тебя звалъ, Ты не хотѣлъ мнѣ явиться; тѣнью лишь смутно мелькалъ, ускользалъ, точно забытое слово!“ говоритъ онъ въ концѣ своей жизни. Христіанское ученіе, очевидно, привлекало его къ себѣ, но онъ не могъ вполнѣ охватить его, зачарованный силой ветхо-завѣтнаго неумолимаго закона. Брандъ не въ состояніи былъ во всей широтѣ понять характеръ истиннаго христіанства, которое требуетъ отъ всякаго вѣрующаго активнаго проявленія своей воли въ дѣлѣ личнаго спасенія, но не придаетъ этой волѣ такого абсолютнаго значенія, какое приписываетъ ей Брандъ. Отъ брандовскаго человѣка вѣетъ чѣмъ-то жесткимъ, гордымъ, даже безпощаднымъ. Человѣкъ, по Бранду, долженъ быть „строгъ и суровъ въ своихъ стремленіяхъ къ цѣли“. При взглядѣ на него такъ и напрашивается сравненіе съ ницшевскимъ «сверхчеловѣкомъ», съ его неумолимой гордыней и презрѣніемъ къ ближнему. Не таковъ человѣкъ Христа. Его идеалъ,—Самъ Христосъ, воплощеніе кротости и смиренія. Онъ не считаетъ, что одна его личная воля можетъ духовно переродить его; онъ, сознавая свою немощь, признаетъ въ дѣлѣ своего спасенія свою волю, хотя и необходимымъ факторомъ, но безсильнымъ внѣ благодатной помощи. Брандъ обращаетъ вниманіе только на одинъ процессъ—процессъ естественнаго возрожденія личности и упускаетъ изъ вниманія или же, вѣрнѣе, совсѣмъ не признаетъ благодатнаго процесса спасающей и милующей вѣры. Отсюда и его бичеваніе чувства христіанской любви. Для брандовскаго человѣка такая любовь, дѣйствительно, едва-ли къ лицу: ему совсѣмъ она и не нужна, такъ-какъ все въ человѣкѣ—воля; у истиннаго же христіанина послѣдняя, какъ мы сейчасъ сказали, не играетъ такой роли, а потому не только не устраняетъ любви, но, напротивъ, дѣлаетъ ее въ особенности необходимой, какъ основу всѣхъ духовныхъ подвиговъ человѣка. Сводя же дѣло духовнаго возрожденія человѣка только къ личнымъ усиліямъ воли, Брандъ, естественно, не только не хочетъ признавать значенія за христіанской любовью, но отвергаетъ и. источникъ этой любви—всепрощающаго, милосерднаго Бога. Ему такой Богъ не нуженъ, а нуженъ грозный Іегова, который каралъ бы „рабовъ земли“ лѣнивыхъ и безвольныхъ. Впрочемъ, нельзя при этомъ отвергать и того, что Брандъ правъ, когда онъ бичуетъ излишнюю надежду людей на божественное всепрощеніе и милосердіе, такъ-какъ это можетъ повести къ духовной апатіи и лѣни. Возлагая все упованіе на Бога, человѣкъ можетъ перестать работать надъ

своимъ духовнымъ возрожденіемъ и самосовершенствованіемъ. Слѣдуя за Христомъ, человѣкъ долженъ „распять свою плоть съ ея страстьми и похотьми", но исключительная надежда на божественное всепрощеніе можетъ совершенно парализовать волю грѣшника. Правъ Брандъ и въ своемъ требованія безупречной праведности, ослѣпительной бѣлизны воли, ибо только чистая, безгрѣшная воля и дѣлаетъ человѣка достойнымъ общенія съ Богомъ.

Но, предъявляя самыя высшія требованія человѣку такъ, чтобы въ немъ ничего не оставалось своекорыстнаго, Брандъ съ своимъ требованіемъ «всего» обнаруживаетъ не только душевную черствость, но даже, повидимому, излишнюю жестокость, оставляя въ одиночествѣ умирать свою мать, къ которой онъ не идетъ со словомъ предсмертнаго утѣшенія и разрѣшенія ея грѣховъ, и жертвуя своимъ сыномъ и женой, которые погибаютъ не отъ чего другого, какъ отъ его нежеланія измѣнить своему главному принципу—жертвовать «всѣмъ». Когда же мы читаемъ трогательный разсказъ о томъ, какъ несчастная Агнесъ тоскуетъ по малюткѣ сынѣ, какъ душа ея полна кровавыхъ слезъ, какъ она до галлюцинацій грезитъ ребенкомъ, но Брандъ еще болѣе терзаетъ ея печаль, не позволяя матери даже взглянуть въ окно при свѣтѣ лунной ночи на могилку сына и приказывая отдать цыганкѣ нищей послѣдній чепчикъ, смоченный предсмертнымъ потомъ ребенка,—когда мы читаемъ это, мы готовы обвинить Бранда не только въ излишнемъ ригоризмѣ, но даже въ какомъ-то преднамѣренномъ издѣвательствѣ. И какъ недосягаемо высока является намъ въ этотъ моментъ бѣдная Агнесъ, которая отказалась отъ семьи, родныхъ, жениха, ушла отъ веселой, беззаботной жизни,—и все это она сожгла на жертвенникѣ Бранда! И какъ неумолимо суровъ является этотъ послѣдній, который избралъ для себя тяжелый путь жертвенныхъ подвиговъ, но на этотъ путъ жестокихъ испытаній увлекъ и женственную Агнесу, которая забыла, что значитъ улыбка, что такое радость жизни, когда поселиласъ въ прижавшемся къ скаламъ ущелья домикѣ пастора, окна котораго никогда не видѣли солнца! Все это такъ, но припомнимъ въ этомъ случаѣ слова Христа, что для Него нѣтъ матери, братьевъ и сестеръ, что въ этомъ достоинствѣ Онъ признаетъ только тѣхъ, кто слушаетъ Его ученіе и слѣдуетъ Ему (Лук. VIII, 19—21). Любвеобильнѣйшаго Христа Спасителя мы не можемъ, конечно, обвинить въ ригоризмѣ, но должны признать, что тотъ крестъ, который Онъ предлагалъ взять вѣрующимъ въ Него, могли поднять только люди, исполненные самоотверженія. Не нужно забывать въ этомъ случаѣ, что Брандъ въ своемъ требованіи личнаго самоотреченія шелъ до конца, не хотѣлъ останавливаться на полдорогѣ, не шелъ ни на какія уступки или ограниченія, жертвуя всѣмъ, что не давало выполненія его основного девиза: «все иль ничего». Но говорятъ, что отъ обыкновенныхъ, т. е. слабыхъ и ограниченныхъ людей

нельзя требовать какой-то сверхъ естественной, титанической силы, такъ какъ полное самоотреченіе и самоотверженіе непосильно для человѣка. Конечно, не всякій человѣкъ, даже при искреннѣйшемъ желаніи очистить себя отъ всѣхъ слѣдовъ эгоизма и себялюбія, способенъ пожертвовать „всѣмъ“, но онъ, по крайней мѣрѣ, долженъ желать этого, долженъ воспитывать въ себѣ рѣшимость осуществить все, что онъ можетъ. На этой-то рѣшимости въ особенности и настаиваетъ Брандъ. „Простится то, чего не сможешь, чего-жъ не захотѣлъ ты,—никогда», говоритъ онъ. Да вѣдь и всѣ идеальныя требованія Евангелія тоже носятъ печать абсолютизма, исключающаго какую-либо степень ограниченія. Такъ, высочайшая евангельская заповѣдь о любви къ ближнимъ требуетъ отъ насъ возлюбить ближняго своего «*всѣмъ* сердцемъ своимъ, *всею* душою и *всею* мыслію». Такимъ образомъ, и христіанскій идеалъ признаетъ тотъ же брандовскій принципъ «всего» [4])

Но, говоря это, мы опять должны повторить, что Бранду было чуждо полное усвоеніе духа христіанскаго ученія; это послѣднее, требуя отъ христіанина полнаго самоотреченія, выше всего цѣнитъ не жертву, а чувство любви—согласно словамъ Христа: „Милости хощу, а не жертвы.“ (Мѳ. XI 13 и XII,7) и въ этомъ чувствѣ любви, которому неизмѣнно сопуствуетъ основное ея свойство—смиреніе, Брандъ совершенно напрасно хотѣлъ усмотрѣть одинъ только источникъ духовнаго разслабленія и нравственной лѣни. Послушаемъ, что объ этой любви говоритъ удивительный психологъ Ѳ. М. Достоевскій устами старца Зосимы въ своемъ романѣ: «Братья Карамазовы:» „Станешь иногда въ недоумѣніи, говоритъ Зосима, особенно видя грѣхъ людей, и спросишь себя: взять ли силой или смиренной любовью.“ Всегда рѣшай: „возьму смиренной любовью.» Рѣшишься такъ разъ навсегда, и весь міръ покорить возможешь. Смиреніе любовное страшная сила, изъ всѣхъ сильнѣйшая, подобной которой и нѣтъ ничего [5]). Это чувство смиренія, которое такъ высоко ставитъ Зосима, непонятно и, можетъ быть, несродно было думѣ гордаго Бранда; онъ смѣялся надъ нимъ, считалъ его однимъ изъ крупныхъ недостатковъ своихъ современниковъ, но, носи онъ его въ своей душѣ, онъ менѣе рисковалъ бы потерпѣть то банкротство, которое съ нимъ случилось передъ его смертью, когда онъ болѣе чѣмъ когда-либо былъ увѣренъ, что нашелъ ключь къ душѣ человѣческой. Оказалось же, что своимъ ключомъ онъ сумѣлъ только чуть-чуть пріотворить дверь сердца человѣческаго, но совсѣмъ раскрыть эту дверь и притомъ такъ, чтобы въ нее свободно входило все то, что дѣлаетъ

[4]) Впрочемъ, своимъ лозунгомъ «все или ничего» Брандъ показалъ, что онъ слишкомъ тяготѣлъ къ ветхозавѣтнымъ идеаламъ, такъ какъ въ этой именно формулѣ заключалась вся сущность ветхо-завѣтнаго законодательства.

[5]) Бр. Карамазовы, ч. 1, стр. 379—380.

человѣка человѣкомъ, онъ не могъ. Впрочемъ, дыханіе приближающейся смерти заставило растаять царившій въ его душѣ холодъ; онъ началъ испытывать въ себѣ трепетаніе новой жизни, новаго настроенія; онъ, видимо, началъ, хотя и смутно, чувствовать и понимать смыслъ и значеніе христіанской любви, въ ласкающихъ лучахъ которой онъ началъ прозрѣвать и новый смыслъ своей жизни.

Но, не будучи истиннымъ христіаниномъ, хотя проповѣдуя много христіанскаго, Брандъ невольно заставляетъ склонить предъ нимъ голову, когда онъ выступаетъ апологетомъ дѣйственнаго христіанства, рисуя широчайшія перспективы. Его современники, какъ мы говорили выше, поторопились назвать себя христіанами, хотя совсѣмъ не ушли далеко отъ язычества. По взгляду Бранда, человѣческая культура, государство, общество и даже сама церковь не имѣютъ права называться христіанскими, такъ какъ они совсѣмъ не проникнуты живымъ духомъ христіанства. Только та церковь можетъ быть названа Христовой, въ которой царствуетъ Христосъ, а между тѣмъ именующіеся христіанами не хотятъ слѣдовать по тому пути, который указываетъ Христосъ и его истинная церковь. Эта послѣдняя стала для людей только какимъ то внѣшнимъ придаткомъ; она не могла заполнить и опредѣлить всей ихъ жизни, почему и получилось такое неестественное явленіе, что люди называютъ себя христіанами, а отказываются жить по евангелію, полагая, что „жизнь—одно, а вѣра другое, ихъ смѣшивать—вредить обоимъ". Такъ именно думаль оффиціальный представитель церкви—пробстъ, міросозерцаніе котораго діаметрально противоположно воззрѣніямъ Бранда. Это различіе очень любопытно съ точки зрѣнія отношеній церкви и государства. Пробстъ стоитъ на чисто мірской, житейской, будничной точкѣ зрѣнія. Вопросы нравственнаго совершенствованія, альтруизма, ему совершенно чужды; онъ считаетъ мѣстомъ ихъ только одну церковную каѳедру, для жизни же они не годятся, такъ какъ сообразно съ ихъ высокими требованіями жить невозможно. Жизнь—одно, а нравстенная философія—другое. Эта послѣдняя, можетъ быть, и великое дѣло, но легче жить безъ нея. Для Бранда такіе взгляды являются величайшимъ преступленіемъ и передъ собой, и передъ людьми, и передъ Богомъ. Нравственныя начала должны проникать, по мнѣнію Бранда, всю жизнь человѣка, освѣщать и осмысливать ее, а такъ какъ строгое и полное исполненіе этихъ началъ требуетъ подвига, то и жизнь человѣка должна быть сплошнымъ подвигомъ. Живымъ провозвѣстникомъ этихъ началъ является церковь (понимаемая имъ въ идеальномъ, а не официальномъ смыслѣ), поэтому она должна быть неизмѣнной учительницей жизни. Ея долгъ, ея право, проводить свое вліяніе въ жизнь людей, строить ее сообразно съ своими высокими требованіями нравственнаго абсолютизма. Государство, съ своими

чисто мірскими нормами жизни, въ силу этого должно быть въ полномъ подчиненіи у церкви, какъ представительницы высшаго, духовнаго порядка. Идеалъ Бранда—„въ храмъ превратить государство“ и всѣхъ людей сдѣлать священниками, такъ какъ „жизнь и служеніе Богу—одно“. Рисуя въ своемъ воображеніи эту всеобъемлющую церковь будущаго, Брандъ положительно поетъ ей гимнъ въ слѣдующихъ словахъ:

«Нѣтъ у той церкви предѣловъ, конца;
Полъ въ ней—зеленыя нивы,
Горы, долины, ручьи и моря,
Сводомъ же служитъ ей небо!
Только оно можетъ все охватить,
Что эта церковь вмѣщаетъ.
Въ ней ты и долженъ всю жизнь провести,
Дѣло свое исполняя
Такъ, чтобъ въ гармоніи было оно
Съ общей симфоніей міра;
Будничный трудъ свой тогда продолжай,
Праздника онъ не нарушитъ.
Вся эта церковь, весь міръ—какъ кора
Дерева стволъ весь обниметъ,
Вѣру и жизнь воедино сольетъ;
Съ духомъ закона и правды
Будничный день трудовой согласитъ,
Дѣло дневное—съ полетомъ
Духа въ надзвѣздныя выси небесъ,
Пляскѣ царя предъ ковчегомъ,
Дѣтской игрѣ уподобитъ нашъ трудъ“!

Брандъ здѣсь высоко паритъ своею мыслію, и никто не будетъ спорить съ нимъ, что Христова церковь и до сихъ поръ не одержала той побѣды, какую она должна была одержать; христіанская же мораль, которая должна была бы озарять и захватывать собой жизнь не тольке отдѣльныхъ личностей, но всего общества и цѣлаго государства, остается и до сихъ поръ обычно для насъ чѣмъ то внѣшнимъ, чуждымъ строю и характеру нашей жизни.

Но, сознавая и бичуя эту разобщенность религіи и жизни, христіанской вѣры и человѣческой дѣятельности, Брандъ далѣе широкихъ переспективъ не пошелъ и конечнымъ результатомъ своей проповѣди доказалъ, что осуществленіе этихъ перспективъ не можетъ совершиться путемъ одного, хотя бы и горячаго призыва отдѣльныхъ личностей. Въ свою поэму Ибсенъ вложилъ свою типичную проблему о борьбѣ идеала съ дѣйствительностью, духа съ

плотью, но торжество этихъ высшихъ началъ въ настоящихъ условіяхъ жизни невозможно. Эти условія жизни, какъ извѣстно, опредѣляются соціально-экономичеескими нормами, но они остаются неизмѣнными и самыми разнообразными нитями прикрѣпляютъ людей къ землѣ. Брандъ хотѣлъ вывести людей изъ этой жизни, но безъ измѣненія ея соціально-экономическаго базиса онъ не могъ впитать въ нихъ новыя идеи. И случилось такъ, что выхвативъ своихъ послѣдователей изъ жизни, онъ оставилъ ихъ какъ бы повисшими въ воздухѣ. Здѣсь, думается, коревная ошибка Бранда, такъ какъ перевоспитаніе личности безъ измѣненія этого базиса по меньшей мѣрѣ трудно, если не невозможно. Отсюда и расплывчатость, неопредѣленность мечтаній Бранда, лишенныхъ въ сущности конкретнаго содержанія. Бранду ненавистны были обычныя условія жизни, гдѣ государство жило своей языческой жизнью, а христіанская церковь приспособлялась къ нему, у него были пылкіе порывы къ такой жизни, гдѣ мірская и церковно-религіозная жизнь могли бы слиться воедино, но такъ какъ эти исканія у него были смутны и лишены, повторяемъ, конкретнаго содержанія, то толпа не могла понять во всей полнотѣ, чего онъ ищетъ и чего можетъ онъ ей дать, почему и не поша за нимъ, предпочтя, реальныхъ, какъ думалось ей, сельдей неизвѣстному, непонятному, хотя, можетъ быть, и великому будущему.

Но, помимо этого, въ конечномъ банкротствѣ Бранда ярко изображена вѣчная борьба «единицы», отдѣльной личности съ непонимающей ее массой.

Ибсенъ обращаетъ свой взоръ впередъ, когда освобожденіе, будущее счастіе человѣчеству дастъ „единица“ такъ какъ не темная, слѣпая толпа, а геніальная единица, по его мнѣнію, творитъ, созидаетъ культуру. Такой единицей былъ Брандъ. Но эта единица пока безсильна. Въ лицѣ Бранда обнаружилось жестокое пораженіе самаго горячаго, пылкаго идеализма, разбившагося о скалу грубаго матеріализма. Столкнулись идея и реальная сила,—побѣдила послѣдняя. Современное общество достойно, по Ибсену, величайшаго презрѣнія. Лучшая любовь къ людямъ—это ненависть. Борьба идеи съ ними безплодна, торжество ея только въ будущемъ, когда провозвѣстники высшихъ идеаловъ не будутъ проповѣдывать, какъ бы въ безвоздушномъ пространствѣ. Нынѣ же лучшіе люди, какъ Брандъ, обречены въ лучшемъ случаѣ на тяжелое одиночество.

Знаменитый американскій поэтъ Лонгофелло говоритъ въ одной изъ своихъ поэмъ о корабляхъ, которые проходятъ ночью и привѣтствуютъ другъ друга сигналомъ и далекимъ окликомъ среди мрака. Такъ и въ океанѣ жизни, прибавляетъ онъ, мы встрѣчаемся, заговариваемъ другъ съ другомъ. Взглядъ,

окликъ,—а затѣмъ снова молчаніе и тьма. Эта тьма окутала, разобщила насъ. Въ этой тьмѣ изрѣдка свѣтятъ вспыхивающіе огни, но много пройдетъ времени, прежде чѣмъ за этими огнями пойдетъ все человѣчество *).

Н. Д. Тихомировъ.

Лѣтопись Вѣдомостей.

Архіерейское служеніе.

Въ воскресенье 9 марта Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Серафимомъ, было совершено торжественное богослуженіе, въ сослуженіи съ духовенствомъ каѳедральнаго собора. Въ концѣ литургіи въ первый разъ была прочитана вновь изданная Св. Синодомъ молитва о прекращеніи смуты на русской землѣ.

Во время литургіи былъ рукоположенъ во діакона учитель Кульневскаго народнаго училища Димитрій Григововъ, сдавшій экзаменъ на священника при Духовнои Консисторіи. Григоровъ назначенъ во священника с. Бедрицы Лепельскаго уѣзда.

Общее собраніе членовъ общества вспомоществованія недостаточнымъ ученикамъ Витебскаго духовнаго училища.

Въ воскресенье 9 марта въ залѣ Витебскаго мужского духовнаго училища состоялось общее собраніе членовъ общества вспомоществованія недостаточнымъ ученикамъ училища, на которомъ предварительно былъ заслушанъ и утвержденъ отчетъ общества за 1907 г. а затѣмъ произведена была баллотировка въ почетные члены общества и въ члены правленія.

Изъ отчета общества видно что оно уже вступаетъ въ 9-й годъ своего существованія и, при сочувствіи духовенства училищнаго округа и добрыхъ людей, дѣйствуетъ съ успѣхомъ. Въ отчетномъ году средства общества представляются въ слѣдующемъ видѣ. Къ 1 января 1907 г. въ кассѣ общества значилось 2815 р. 77 к. Въ те-

*) «Витеб. Губ. Вѣдом.».

ченіи отчетнаго года поступило 2113 р. 33 к. (собствен. поступленій было 1613 р. 3 к. куплена 5% рента въ 500 р.). Израсходовано въ отчетномъ году 780 р. 48 к., а именно: уплочено 470 р. 63 к. за помянутую ренту, 3 р. 25 к. за храненіе бумагъ въ отдѣленіи государственнаго банка, 21 р 60 к. за типографскіе расходы по обществу и 285 р. выдано въ пособіе 21 ученикамъ училища *). На 1 января 1908 г. оставалось 4148 р. 32 к. и съ 1 января текущаго года поступило 201 р. 67 к., въ данное время имѣется 4349 р. 99 к. Такимъ образомъ за 8 лѣтъ существованія общества имъ пріобрѣтена на нужды бѣдняковъ училища весьма изрядная сумма, а именно: 4349 р. 99 к.+2256 р. выданныхъ въ пособіе бѣднымъ ученикамъ за 8 лѣтъ существованія общества, всего 6605 р. 99 к.

Въ составѣ правленія общества за отчетный годъ произошли перемѣны. Изъ членовъ правленія выбыли за отъѣздомъ изъ Витебска: И. И. Пщелко, бывшій столоначальникъ Духовной Консисторіи, и инспекторъ духовной семинаріи В. А. Демидовскій.

Въ воскресенье 9 марта собраніемъ былъ избранъ въ почетные члены общества бухгалтеръ Минскаго казначейства, В. Я. Грудницкій, за пожертвованіе на нужды общества 1000 р.; въ члены правленія общества: прот. А. М. Матюшенскій и Х. Пигулевскій, свящ. П. Гальковскій, секретарь Духовной Консисторіи М. Г. Поповъ, кандидатами къ нимъ г.г. Н. Г. Чепелкинъ и Я. М. Гальковскій и въ ревизіонную комиссію: Витебскій уѣздный наблюдатель, свящ. І. Овсянкинъ, препод. училища А. М. Серебреницкій и Н. П. Богоявленскій. По уставу въ составъ правленія, кромѣ избранныхъ, долженъ войти смотритель училища В. Н. Тычининъ и два члена по назначенію Его Преосвященства изъ среды училищной корпораціи.

Изъ жизни духовной семинаріи.

Въ воскресенье, 9 марта, въ квартирѣ духовника семинаріи корпорація послѣдней и знакомые чествовали обѣдомъ своихъ сослуживцевъ: духовника, прот. І. Бобровскаго и надзирателя П. В. Кудрявцева **), въ виду перехода ихъ на другую службу. Были произнесены

*) Въ отчетѣ къ сожалѣнію не указано какимъ ученикамъ и по сколько выдано на пособіе.

**) Г. Кудрявцевъ назначенъ редакторомъ неоффиціальной части «Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостей».

теплыя сердечныя рѣчи по адресу виновниковъ торжества. Въ рѣчахъ по адресу г. Кудрявцева, между прочимъ, высказана была увѣренность, что на предстоящемъ для него трудномъ и отвѣтственномъ поприщѣ онъ проявитъ всѣ тѣ качества, которыя требуются для успѣха дѣла. Въ рѣчахъ по адресу о. Бобровскаго отмѣчалась его простота и искренность въ отношеніи къ другимъ, подкупавшія и располагавшія въ его пользу всѣхъ знавшихъ его и служившихъ причиной симпатіи и уваженія къ нему со стороны сослуживцевъ. Вообще, чествованіе носило искренній, задушевный характеръ.

Панихида о К. П. Побѣдоносцевѣ.

10 марта, въ годовщину смерти б. оберъ-прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева въ церкви женскаго училища духовнаго вѣдомства была отслужена прежде-освященная литургія и панихида, послѣ чего въ актовомъ залѣ преподавателемъ училища А. Новиковымъ была сказана рѣчь о заслугахъ почившаго для церкви и государства. Затѣмъ начальница училища въ прочувствованныхъ словахъ указала на то теплое участіе, съ которымъ К. П. Побѣдоносцевъ относился къ нуждамъ училища, служащихъ и учащихся въ немъ. Въ заключеніе воспитанницы колѣнопреклоненно пропѣли „вѣчную память“ почившему.

Редакторъ неоффиціальнаго отдѣла,

Каѳедральный Протоіерей *Алексѣй Матюшенскій*

Печатать разрѣшается. 15 марта 1908 года.

Цензоръ, Преподаватель семинаріи **В. Добровольскій.**

Печатано въ Витебской Губернской Типографіи.